

Мустафа Ататюрк

Mustafa Ataturk

День рождения: 12.03.1881 года
Место рождения: **Салоники**, Греция
Дата смерти: 10.11.1938 года
Место смерти: **Стамбул**, Турция
Гражданство: Турция

Оригинальное имя: Мустафа Кемаль Кемаль
Original name: Mustafa Kemal Ataturk

"Ататюрк" в переводе с турецкого означает "отец народа", и это в данном случае не преувеличение. Человека, носившего эту фамилию, по заслугам именуют отцом современной Турции.

Один из современных архитектурных памятников Анкары - мавзолей Ататюрка, сложенный из желтоватого известняка. Мавзолей стоит на холме в центре города. Обширный и: "сурово простой" он производит впечатление величественного сооружения. Мустафа Кемаль в Турции повсюду. Его портреты висят в государственных учреждениях и кофейнях маленьких городов. Его статуи стоят на городских площадях и скверах. Его изречения встретишь на стадионах, в парках, в концертных залах, на бульварах, вдоль дорог и в лесах. Люди слушают восхваления ему по радио и телевидению. Регулярно демонстрируется уцелевшая кинохроника его времен. Речи Мустафы Кемалья цитируют политические деятели, военные, профессора, профсоюзные и студенческие лидеры.

Вряд ли в современной Турции можно найти что-либо подобное культу Ататюрка. Это официальный культ. Ататюрк один, и никого с ним нельзя соединять. Его биография читается как жития святых. Спустя более полувека после смерти президента его почитатели с затаенным дыханием говорят о пронзительном взгляде его голубых глаз, о его неутомимой энергии, железной решимости и непреклонной воле.

Мустафа Кемаль родился в Салониках в Греции, на территории Македонии. В то время эта территория контролировалась Османской империей. Отец его был среднего ранга таможенным чиновником, мать - крестьянкой. После трудного детства, проведенного из-за ранней смерти отца в нищете, мальчик поступил в государственную военную школу, затем в высшее военное училище и в 1889 году, наконец, в Османскую военную академию в Стамбуле. Там, помимо воинских дисциплин, Кемаль самостоятельно изучая произведения Руссо, Вольтера, Гоббса, других философов и мыслителей. В возрасте 20 лет он был направлен в Высшее военное училище Генерального штаба. Во время обучения Кемаль и его товарищи основали тайное общество "Ватан". "Ватан" - турецкое слово арабского происхождения, которое можно перевести как "родина", "место рождения" или "место жительства". Общество характеризовалось революционной направленностью.

Кемаль, не сумев добиться взаимопонимания с другими членами общества, покинул Ватан и примкнул к Комитету союза и прогресса, который сотрудничал с движением младотурок (турецкое буржуазное революционное движение, ставившее задачей замену султанского самодержавия конституционным строем). Кемаль был лично знаком со многими ключевыми фигурами в младотурецком движении, но не участвовал в перевороте 1908 года.

Когда разразилась первая мировая война, Кемаль, презиравший немцев, был потрясен тем, что султан сделал Османскую империю их союзником. Однако, вопреки личным взглядам, он искусно руководил вверенными ему войсками на каждом из фронтов, где ему приходилось воевать. Так ,у Галлиполи с начала апреля 1915 года он сдерживал британские силы более полумесяца, заслужив прозвище "Спаситель Стамбула", это была одна из редких побед турок в Первой мировой войне. Именно там он заявил своим подчиненным:

"Я не приказываю вам атаковать, я вам приказываю умирать!" Важно, что этот приказ не только давался, но и исполнялся.

В 1916 году Кемаль командовал 2-й и 3-й армиями, остановив наступление русских войск на юге Кавказа. В 1918 году, в конце войны, он командовал 7-й армией близ Алеппо, ведя последние бои с англичанами. Одержавшие победу союзники обрушились на Османскую империю как изголодавшиеся хищники. Казалось, что Османской империи, которая долго слыла "Большой державой Европы" - ибо годы автократии привели ее к внутреннему разложению, - война нанесла смертельный удар. Похоже было, что каждая из европейских стран желала урвать себе ее кусочек. Условия перемирия были очень суровыми, а союзники заключили тайное соглашение о разделе территории Османской империи. Великобритания к тому же не стала терять времени даром и развернула свой военный флот в гавани Стамбула. В начале первой мировой войны Уинстон Черчилль спрашивал: "Что случится в этом землетрясении со скандальной, разрушающейся, дряхлой Турцией, у которой нет и гроша в кармане?" Однако турецкий народ смог возродить из пепла свою державу, когда во главе национально-освободительного движения стал Мустафа Кемаль. Кемалисты превратили военное поражение в победу, восстановив независимость деморализованной, расчлененной, разоренной страны.

Союзники рассчитывали сохранить султанат, и многие в Турции верили, что султанат выживет в условиях иностранного регентства. Кемаль же хотел создать независимое государство и покончить с имперскими пережитками. Посланный в 1919 году в Анатолию для подавления вспыхнувших там беспорядков, он, вместо этого, организовал оппозицию и начал движение, направленное против многочисленных "иностраных интересов". Он сформировал в Анатолии Временное правительство, президентом которого и был избран, и организовал единое сопротивление вторгшимся иностранцам. Султан объявил "священную войну" против националистов, особенно настаивая на казни Кемалья.

Когда султан подписал Севрский договор 1920 года и отдал Османскую империю на дележ союзникам в обмен на сохранение своей власти над тем, что останется, почти весь народ перешел на сторону Кемалья. Когда армия Кемалья двинулась к Стамбулу, союзники обратились за помощью к Греции. После 18 месяцев тяжелых боев греки были разбиты в августе 1922 года.

Мустафа Кемаль и его соратники хорошо понимали истинное место страны в мире и ее подлинный вес. Поэтому на вершине военного триумфа Мустафа Кемаль отказался продолжать войну и ограничился удержанием того, что, по его мнению, было турецкой национальной территорией.

1 ноября 1922 года Великое национальное собрание распустило султанат Мехмеда VI, а 29 октября 1923 года Мустафа Кемаль был избран президентом новой Турецкой Республики. Провозглашенный президентом, Кемаль, на деле, без колебаний стал настоящим диктатором, объявив вне закона, все соперничавшие политические партии и вплоть до своей смерти инсценировал свое переизбрание. Свою абсолютную власть Кемаль употребил на реформы, надеясь превратить страну в цивилизованное государство.

В отличие от многих других реформаторов президент Турции был убежден, что бессмысленно просто модернизировать -фасад. Чтобы Турция могла устоять в

послевоенном мире, необходимо было произвести фундаментальные изменения всей структуры общества и культуры. Можно спорить, насколько удалась кемалистам эта задача, но она была поставлена и проводилась при Ататюрке с решимостью и энергией.

Слово "цивилизация" бесконечно повторяется в его речах и звучит как заклинание: "Мы будем следовать по пути цивилизации и придем к ней... Те, которые задержатся, будут потоплены ревущим потоком цивилизации... Цивилизация - такой сильный огонь, что тот, кто его игнорирует, будет сожжен и разрушен... Мы будем цивилизованными, и будем гордиться этим...". Не вызывает сомнений, что у кемалистов "цивилизация" означала безусловное и бескомпромиссное внедрение буржуазного общественного строя, образа жизни и культуры Западной Европы.

Новое турецкое государство приняло в 1923 году новую форму правления с президентом, парламентом, конституцией. Однопартийная система диктатуры Кемалья продержалась более 20 лет, и лишь после смерти Ататюрка была заменена многопартийной.

Мустафа Кемаль видел в халифате связь с прошлым и исламом. Поэтому вслед за ликвидацией султаната он уничтожил и халифат. Кемалисты открыто выступили против исламской ортодоксии, расчищая путь для превращения страны в светское государство. Почва для преобразований кемалистов была подготовлена и распространением передовых для Турции философских и социальных идей Европы, и все более широким нарушением религиозных обрядов и запретов. Офицеры -младотурки считали делом чести пить коньяк и закусывать его ветчиной, что выглядело страшным грехом в глазах ревнителей мусульманства;

Еще первые османские реформы ограничили могущество улемов и отняли у них часть влияния в области права и образования. Но богословы сохраняли огромную власть и авторитет. После уничтожения султаната и халифата они оставались единственным институтом старого режима, который сопротивлялся кемалистам.

Кемаль властью президента республики упразднил древнюю должность шейх-уль-ислама - первого уле-ма в государстве, министерства шариата, закрыл отдельные религиозные школы и колледжи, а позже запретил шариатские суды. Новый порядок был закреплен республиканской конституцией.

Все религиозные учреждения стали частью государственного аппарата. Департамент религиозных учреждений занимался мечетями, монастырями, назначением и смещением имамов, муэдзинов, проповедников, наблюдением за муфтиями. Религию сделали как бы отделом бюрократической машины, а улемов - государственными служащими. Коран перевели на турецкий. Призыв на молитвы стал звучать на турецком языке, хотя попытка отказаться от арабского на молитвах так и не удалась - ведь в Коране в конце концов было важно, не только содержание, но и мистическое звучание непонятных арабских слов. Выходным днем кемалисты объявили воскресенье, а не пятницу, мечеть Айя-София в Стамбуле превратилась в музей. В быстро росшей столице Анкаре практически не строили культовых сооружений. По всей стране власти косо смотрели на появление новых мечетей и приветствовали закрытие старых.

Турецкое министерство просвещения взяло под свой контроль все религиозные школы. Медресе, существовавшее при мечети Сулеймана в Стамбуле, которое готовило улемов высшего ранга, было передано богословскому факультету Стамбульского университета. В 1933 году на базе этого факультета был открыт Институт исламских исследований.

Однако сопротивление лаицизму - светским реформам - оказалось сильнее, чем ожидали. Когда в 1925 году началось курдское восстание, его возглавил один

из дервишских шейхов, призывавших свергнуть "безбожную республику" и восстановить халифат.

В Турции Ислам существовал на двух уровнях - формальный, догматический - религия государства, школы и иерархии, и народный, приспособленный к быту, обрядам, верованиям, традициям масс, который находил свое выражение в дервишестве. Изнутри мусульманская мечеть проста и даже аскетична. В ней нет алтаря и святилища, так как ислам не признает Таинства причастия и посвящения в духовный сан. Общие молитвы - это дисциплинирующий акт общины для выражения покорности единому, нематериальному и отдаленному Аллаху. С древнейших времен ортодоксальная вера, суровая в своем поклонении, абстрактная в учении, конформистская в политике, не могла удовлетворять эмоциональные и социальные потребности значительной части населения. Оно обращалось к культу святых и к дервишам, которые оставались близки к народу, чтобы заменить формальный религиозный ритуал или что-то добавить к нему. В дервишеских монастырях проходили экстатические собрания с музыкой, песнями и танцами.

В средние века дервиши зачастую выступали в качестве руководителей и вдохновителей религиозно-социальных восстаний. В другие времена они проникали в аппарат правительства и оказывали огромное, хотя и скрытое, влияние на действия министров и султанов. Среди дервишей шло жестокое соревнование за влияние на массы и на государственный аппарат. Благодаря тесной связи с местными вариантами гильдий и цехов дервиши могли влиять на ремесленников и торговцев. Когда в Турции начались реформы, стало ясно, что не богословы-улемы, а именно дервиши оказывают наибольшее сопротивление лаицизму.

Борьба порой принимала жестокие формы. В 1930 году мусульманские фанатики убили молодого армейского офицера Кубилая. Его окружили, повалили на землю и медленно отпилили ему голову ржавой пилой, выкрикивая: "Аллах велик!", в то время как толпа одобрительными возгласами поддерживала их деяние. С тех пор Кубилай считается как бы "святым" кемализма.

Со своими противниками кемалисты расправлялись без жалости. Мустафа Кемаль обрушился на дервишей, закрыл их монастыри, распустил ордена, запретил собрания, церемонии и особую одежду. Уголовный кодекс запретил политические ассоциации на базе религии. Это был удар в самую глубину, хотя он и не достиг полностью цели: многие дервишеские ордена были в то время глубоко законспирированы.

Мустафа Кемаль поменял столицу государства. Ею стала Анкара. Еще во время борьбы за независимость Кемаль выбрал этот город для своей штаб-квартиры, так как он был связан железной дорогой со Стамбулом и в то же время лежал вне досягаемости врагов. В Анкаре состоялась первая сессия национального собрания, и Кемаль провозгласил ее столицей. Он не доверял Стамбулу, где все напоминало об унижениях прошлого и слишком много людей было связано со старым режимом.

В 1923 году Анкара представляла собой небольшой торговый центр с населением около 30 тысяч душ. Ее позиции как центра страны укрепились впоследствии благодаря строительству железных дорог в радиальных направлениях.

Газета "Таймс" в 1923 году в декабре писала с издевкой: "Даже самые шовинистически настроенные турки признают неудобства жизни в столице, где полдюжины мерцающих электрических лампочек представляют собой общественное освещение, где в домах почти нет воды, текущей из крана, где осел или лошадь привязаны к решетке маленького домика, который служит. Министерством иностранных дел, где открытые сточные каналы бегут посреди

улицы у где современные изящные искусства ограничены потреблением плохого раки - анисовой водки и игрой духового оркестра, где парламент заседает в доме, не большем, чем помещение для игры в крикет".

- Тогда Анкара не могла предложить подходящего жилья для дипломатических представителей, их превосходительства предпочитали снимать спальные вагоны на станции, сокращая пребывание в столице, чтобы поскорее уехать в Стамбул.

Несмотря на бедность в стране, Кемаль упорно тянул Турцию за уши в цивилизацию. С этой целью кемалисты решили внедрить в обиход европейскую одежду. В одной из речей Мустафа Кемаль объяснял свои намерения таким образом: "Было необходимо запретить феску, которая сидела на головах нашего народа как символ невежества, небрежности, фанатизма, ненависти к прогрессу и цивилизации, и заменить ее шляпой - головным убором, которым пользуется весь цивилизованный мир. Таким образом, мы демонстрируем, что турецкая нация в своем мышлении, как и в других аспектах, ни в коей мере не уклоняется от цивилизованной общественной жизни". Или в другой речи: "Друзья! Цивилизованная международная одежда достойна и подходящая для нашей нации, и мы все будем носить ее. Ботинки или башмаки, брюки, рубашки и галстуки, пиджаки. Конечно, все завершается тем, что мы носим на голове. Этот головной убор называется "шляпа".

Был издан декрет, который требовал от чиновников носить костюм, "общий для всех цивилизованных наций мира". Сначала обычным гражданам позволялось одеваться, как они хотят, но затем фески объявили вне закона.

Для современного европейца насильственная смена одного головного убора другим может показаться комичной и раздражающей. Для мусульманина это было делом большой важности. С помощью одежды турок-мусульманин отделял себя от гяуров. Феска в то время была распространенным головным убором мусульманина-горожанина. Вся остальная одежда могла быть европейской, но на голове оставался символ османского ислама - феска.

Реакция на действия кемалистов была любопытной. Ректор университета Аль-Азхар и главный муфтий Египта писал в то время: "Ясно, что мусульманин, который хочет походить на не мусульманина, принимая его одежду, кончит тем, что воспримет его верования и действия. Поэтому тот, кто носит шляпу из склонности к религии, другого и из презрения к своей собственной, является неверным.... Разве не сумасшествие отказаться от своей национальной одежды, чтобы принимать одежду Других народов?" Заявления такого рода не публиковались в Турции, но многие их разделяли.

Смена национальной одежды показала в истории желание слабых походить на сильных, отсталых - на развитых. Средневековые египетские хроники рассказывают, что после великих монгольских завоеваний XII-го века даже мусульманские султаны и эмиры Египта, отбившие нашествие монголов, начали носить длинные волосы, как и азиатские кочевники.

Когда османские султаны в первой половине XIX века стали проводить преобразования, они прежде всего облачили солдат в европейские мундиры, то есть в костюмы победителей. Тогда и был введен вместо тюрбана головной убор, названный феской. Он настолько привился, что спустя столетие стал эмблемой мусульманской ортодоксии.

На юридическом факультете Анкарского университета однажды вышла юмористическая газета. На вопрос редакции "Кто такой турецкий гражданин?" студенты дали ответ: "Турецкий гражданин - это человек, который женится по швейцарскому гражданскому праву, осуждается по итальянскому уголовному кодексу, судится по германскому процессуальному кодексу, этим человеком

управляют на основе французского административного права и хоронят его по канонам ислама".

Даже спустя много десятилетий после введения кемалистами новых правовых норм чувствуется определенная искусственность в их применении к турецкому обществу.

Швейцарское гражданское право, переработанное применительно к нуждам Турции, было принято в 1926 году. Кое-какие правовые реформы проводились и раньше, при танзимате (преобразованиях середины XIX века) и младотурках. Однако в 1926 году светские власти впервые осмелились вторгнуться в заповедник улемов - семейно-религиозную жизнь. Источником права вместо "воли Аллаха" были провозглашены решения Национального собрания.

Принятие швейцарского гражданского кодекса многое изменило в семейных отношениях. Запретив полигамию, закон предоставил женщине право развода, внедрил бракоразводный процесс, уничтожил юридическое неравенство между мужчиной и женщиной. Конечно, новый кодекс носил вполне определенные специфические черты. Взять хотя бы то, что он предоставлял женщине право потребовать у мужа развода, если тот скрыл, что он безработный. Однако условия общества, установившиеся веками традиции сдерживали применение новых брачно-семейных норм на практике. Для девушки, которая хочет выйти замуж, неременным условием считалось (и считается) девственность. Если муж обнаруживал, что его жена - не девственница, он отсылал ее обратно родителям, и до конца жизни, она несла позор, как и вся ее семья. Иногда ее убивали без жалости отец или брат.

Мустафа Кемаль всячески поддерживал эмансипацию женщин. Женщины были допущены на коммерческие факультеты еще во времена первой мировой войны, а в 20-е годы они появились и в аудиториях гуманитарного факультета Стамбульского университета. Им разрешили находиться на палубах паромов, которые пересекали Босфор, хотя раньше их не выпускали из кают, разрешали ездить в тех же отделениях трамваев и железнодорожных вагонов, что и мужчинам.

В одной из своих речей Мустафа Кемаль обрушился на чадру. "Она причиняет женщине большие страдания во время жары, - говорил он. - Мужчины! Это происходит из-за нашего эгоизма. Не будем же забывать, что у женщин есть такие же моральные понятия, как и у нас". Президент требовал, чтобы "матери и сестры цивилизованного народа" вели себя подобающим образом. "Обычай закрывать лицо женщинам делает нашу нацию посмешищем", - считал он. Мустафа Кемаль решил внедрить эмансипацию женщин в тех же пределах, что и в Западной Европе. Женщины получили право голосовать и быть избранными в муниципалитеты и в парламент.

Кроме гражданского, страна получила новые кодексы для всех отраслей жизни. На уголовный кодекс оказали влияние законы фашистской Италии. Статьи 141 -142 использовались для расправы с коммунистами и всеми левыми. Коммунистов Кемаль не любил. Великий Назым Хикмет за свою приверженность коммунистическим идеям провел в тюрьме много лет.

Не любил Кемаль и исламистов. Кемалисты убрали из конституции статью "Религия турецкого государства - ислам". Республика и по конституции и по законам стала светским государством.

Мустафа Кемаль, сшибая феску с головы турка и вводя европейские кодексы, пытался привить соотечественникам вкус к изысканным развлечениям. В первую же годовщину республики он устроил бал. Большинство собравшихся мужчин были офицерами. Но президент заметил, что они не решались приглашать дам на танец. Женщины отказывали им, стеснялись. Президент отановил оркестр и воскликнул: "Друзья не могу себе представить, что в целом

мире найдется хоть одна женщина, способная отказаться от танца с турецким офицером! А теперь - вперед, приглашайте дам!" И сам подал пример. В этом эпизоде Кемаль выступает в роли турецкого Петра I, тоже насильно вводящего европейские обычаи.

Преобразования затронули и арабский алфавит, действительно удобный для арабского языка, но не подходящий для турецкого. Временное введение латиницы для тюркских языков в Советском Союзе подтолкнуло к тому же деянию Мустафу Кемалья. Новый алфавит был подготовлен за несколько недель. Президент республики появился в новой роли - учителя. Во время одного из праздников он обратился к собравшимся: "Мои друзья! Наш богатый гармоничный язык сможет выразить себя новыми турецкими буквами. Мы должны освободиться от непонятных значков, которые в течение веков держали наши умы в железных тисках. Мы должны быстро выучить новые турецкие буквы. Мы должны обучить им наших соотечественников, женщин и мужчин, носильщиков и лодочников. Это нужно считать патриотической обязанностью. Не забывайте, что для нации позорно на десять-двадцать процентов состоять из грамотных и на восемьдесят-девяносто из неграмотных".

Национальное собрание приняло закон, введивший новый турецкий алфавит и запретивший применение ' арабского с 1 января 1929 года.

Введение латиницы не только облегчало обучение населения. Оно знаменовало новый этап разрыва с прошлым, удар по мусульманским верованиям.

В соответствии с мистическим учением, принесенным в Турцию из Ирана в средние века и принятым дервишеским орденом бекташи, образ Аллаха - это лицо человека, знак человека - его язык, который выражается 28 буквами арабского алфавита. "В них содержатся все тайны Аллаха, человека и вечности". Для ортодоксального мусульманина текст Корана, включая язык, на котором он сложен и шрифт, которым он напечатан, считается вечным и нерушимым.

Турецкий язык в османские времена стал тяжелым и искусственным, заимствовав не только слова, но и целые выражения, даже грамматические правила из персидского и арабского. С годами он становился все более напыщенным и неэластичным. В период правления младотурокпресса начала использовать несколько упрощенный турецкий язык. Этого требовали политические, военные, пропагандистские цели.

После внедрения латиницы открылись возможности для более глубокой языковой реформы. Мустафа Кемаль основал лингвистическое общество. Оно поставило себе задачей уменьшить и постепенно удалить арабские и грамматические заимствования, многие из которых закрепились в турецком культурном языке.

Затем последовало более смелое наступление на сами персидские и арабские слова, сопровождавшееся перехлестами. Арабские и персидские языки были классическими языками для турок и внесли в турецкий такие же элементы, как греческий и латинский в европейские языки. Радикалы из лингвистического общества были настроены против арабских и персидских слов как таковых, даже если они составляли значительную часть языка, на котором каждый день говорил турок. Общество готовило и публиковало список чужеродных слов, осужденных на выселение. А тем временем исследователи собирали "чисто турецкие" слова из диалектов, других тюркских языков, древних текстов, чтобы найти замену. Когда ничего подходящего не находили, изобретали новые слова. Термины европейского происхождения, столь же чуждые турецкому языку, не подвергались гонениям, и даже импортировались, чтобы заполнить пустоту, создавшуюся после отказа от арабских и персидских слов.

Реформа была нужна, но отнюдь не все соглашались с крайними мерами. Попытка отделиться от тысячелетнего культурного наследия вызывала скорее обеднение, чем очищение языка. В 1935 году новая директива остановила на некоторое время изгнание привычных слов, восстановила какую-то часть арабских и персидских заимствований.

Как бы то ни было, турецкий язык менее чем за два поколения существенно изменился. Для современного турка документы и книги шестидесятилетней давности с многочисленными персидскими и арабскими конструкциями несут на себе печать архаичности и средневековья. Турецкая молодежь отделена от сравнительно недалекого прошлого высокой стеной. Результаты реформы благотворны. В новой Турции язык газет, книг, правительственных документов примерно тот же, что и разговорный язык городов.

В 1934 году было решено отменить все титулы старого режима и заменить их обращениями "господин" и "госпожа". Одновременно 1 января 1935 года вводились фамилии. Мустафа Кемаль получил от Великого национального собрания фамилию Ататюрк (отец турок), а его ближайший сподвижник, будущий президент и лидер народно-республиканской партии Исмет-паша - Иненю - по месту, где он одержал крупную победу над греческими интервентами.

Хотя фамилии в Турции - дело недавнее, и каждый мог выбрать себе что-нибудь достойное, но значение фамилий столь же разнообразно и неожиданно, как в других языках. Большинство турок придумали себе вполне подходящие фамилии. Ахмет-бакалейщик стал Ахметом Бакалейщиком, Исмаил-почтальон остался Почтальоном, корзинщик - Корзинщиком. Некоторые выбрали такие фамилии, как Вежливый, Умный, Красивый, Честный, Добрый. Другие подобрали Глухой, Толстый, Сын человека без пяти пальцев. Есть, например, Тот, у кого сотня лошадей, или Адмирал, или Сын адмирала. Фамилии, вроде Сумасшедший или Обнаженный, могли пойти от ссоры с правительственным чиновником. Кто-то воспользовался официальным списком рекомендованных фамилий, и так появились Настоящий турок, Большой турок, Су ровый турок.

Последние фамилии косвенно преследовали еще одну цель. Мустафа Кемаль искал исторические аргументы, чтобы восстановить у турок чувство национальной гордости, подорванное за предшествующие два века почти непрерывными поражениями и внутренним развалом. О национальном достоинстве заговорила прежде всего интеллигенция. Ее инстинктивный национализм носил по отношению к Европе оборонительный характер. Можно представить себе чувства турецкого патриота тех дней, который читал европейскую литературу и почти всегда находил слово "турок", употребленным с оттенком пренебрежения. Правда, образованные турки забывали, как они сами или их предки презирали своих соседей с утешительной позиции "высшей" мусульманской цивилизации и имперского могущества.

Когда Мустафа Кемаль произнес, знаменитые слова: "Какое счастье быть турком!" - они упали на благодатную почву. Его изречения прозвучали как вызов остальному миру; Они же показывают, что любые высказывания должны сопрягаться с конкретными историческими условиями. Это изречение Ататюрка ныне повторяют бесконечное число раз на все лады и по поводу и без оно го.

Во времена Ататюрка была выдвинута "солнечная языковая теория", в которой утверждалось, что все языки мира произошли от турецкого (тюркского). Шумеров, хеттов, этрусков, даже ирландцев и басков объявили турками. Одна из "исторических" книг времен Ататюрка сообщала следующее: "В Центральной Азии было когда-то море. Оно высохло и стало пустыней, вынудив турок начать кочевничество... Восточная группа турок основала китайскую цивилизацию..."

Другая группа турок якобы завоевала Индию. Третья группа откочевала на юг - в Сирию, Палестину, Египет, и вдоль североафриканского побережья в

Испанию. Турки, которые поселились в районе Эгейского моря и Средиземноморья, согласно той же теории, основали знаменитую Критскую цивилизацию. Древнегреческая цивилизация пошла от хеттов, которые, конечно же были турками. Турки проникли также глубоко в Европу и, перебравшись через море, заселили британские острова. "Эти мигранты превосходили народы Европы в искусствах-и знаниях, спасли европейцев от пещерной жизни и поставили их на путь умственного развития".

Вот такую сногшибательную историю мира в 50-е годы изучали в турецких школах. Ее политический смысл состоял в оборонительном национализме, но и шовинистический подтекст был виден невооруженным глазом

В 20-е годы правительство Кемаля немало делало для того, чтобы поддержать частную инициативу. Но социально-экономическая действительность показала, что в Турции этот метод в чистом виде не работает. Буржуазия устремилась в торговлю, домостроительство, спекуляцию, занималась пенкоснимательством, в последнюю очередь думая о национальных интересах и развитии промышленности. Режим офицеров и чиновников, сохранивших определенное презрение к торговцам, все с большим неудовольствием наблюдал затем, как частные предприниматели игнорировали призывы вкладывать деньги в индустрию.

Грянул мировой экономический кризис, больно ударивший по Турции. Мустафа Кемаль обратился к политике государственного регулирования экономики. Эта практика получила название этатизма. Правительство распространило государственную собственность на значительные секторы промышленности и транспорта, а с другой стороны открыло рынки для иностранных инвесторов. Эту политику в десятках вариантов повторяют потом многие страны Азии, Африки, Латинской Америки. В 30-е годы Турция занимала третье место в мире по темпам промышленного развития.

Однако реформы кемалистов распространялись в основном на города. Лишь самым краем они касались деревни, где до сих пор живет почти половина турок, а во время правления Ататюрка жило большинство.

Несколько тысяч "народных комнат" и несколько сот "народных домов", призванных пропагандировать идеи Ататюрка, так и не донесли их в гущу населения.

Культ Ататюрка в Турции официальный и массовый, но вряд ли можно считать, что он безусловный. Даже кемалисты, которые клянутся в преданности его идеям, на самом деле идут своим путем. Утверждение кемалистов, будто всякий турок любит Ататюрка, - всего лишь миф. У реформ Мустафы Кемаля было много врагов, - явных и тайных, и попытки отказаться от некоторых его преобразований не прекращаются и в наше время. Левые политические деятели постоянно вспоминают о репрессиях, которым подвергались их предшественники при Ататюрке и считают Мустафу Кемаля просто сильным буржуазным лидером.

У сурового и блестящего солдата и крупного государственного деятеля Мустафы Кемаля были и достоинства и человеческие слабости. Он обладал чувством юмора, любил женщин и веселье, однако сохранял трезвый ум политика. Его уважали в обществе, хотя его личная жизнь отличалась скандальностью и распущенностью. Кемаля часто сравнивают с Петром I. Как и русский император, Ататюрк питал слабость к спиртному. Он умер 10 ноября 1938 года от цирроза печени в возрасте 57 лет. Его ранняя смерть стала трагедией для Турции.